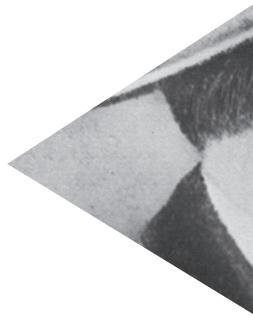

ИСТОРИЯ СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Дмитрий ВОЛКОГОНОВ

ЛЕНИН

Издательство АСТ
Москва

УДК 82-94
ББК 93/94
В67

Дизайн серии *Владислава Воронина*

Фотография на обложке предоставлена
ФГУП МИА «Россия сегодня»

Волгогонов, Дмитрий Антонович

В67 Ленин / Дмитрий Волгогонов. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 928 с. : ил. — (История сквозь время).

ISBN 978-5-17-160330-4

Дмитрий Волгогонов — историк, философ, политолог и политик.

Перед вами — одна из известных книг о Ленине, которая разошлась миллионными тиражами и была переведена на десятки языков. Это полный политический портрет вождя, эволюция его взглядов.

«Ни один завоеватель, ни Тамерлан, ни Чингисхан, не пользовались такой славой, как Ленин», — писал о нем Уинстон Черчилль.

Владимир Ильич — одна из самых значимых фигур в истории, оказавших беспрецедентное воздействие на нашу страну. Какую роль Ленин сыграл в революции? Как он модернизировал СССР? Каким образом удалось осуществить индустриальный прорыв? Чего стоил государству НЭП? Зачем был принят план электрификации страны (ГОЭЛРО)?

О человеке парадоксов и крайностей, свершений и поражений расскажет книга Д.А. Волгогонова.

УДК 82-94
ББК 93/94

ISBN 978-5-17-160330-4

© Волгогонов Д.А., наследники, 2023

© РИА Новости

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Вместо введения НА ЭКРАНЕ ИСТОРИИ

Ленин был революционер до мозга костей именно потому, что всю жизнь исповедовал и защищал целостное, тоталитарное мирозерцание...

Николай Бердяев

Тяжелая, массивная стальная дверь с трудом открылась, и мы вошли в просторный тамбур. За ней находилась еще одна, такая же бронированная дверь, ведущая к коммунистическим святыням — подлинным ленинским документам: рукописям книг, статей, докладов, записок, а также резолюций, распоряжений, постановлений, протоколов, многочисленных шифрограмм и оперативных сводок ЧК с автографами помет и замечаний Ленина. Помещение в цоколе здания бывшего Центрального партийного архива бывшей правящей партии больше похоже на атомное бомбоубежище. Здесь хранилось и хранится теоретическое, литературное и эпистолярное наследие человека, оставившего, пожалуй, самую глубокую вмятину на щите истории в XX веке. На специальных стеллажах, в специальных коробках сосредоточены все письменные следы деятеля, о котором одни говорят и сегодня как о гении, другие — как о проклятии эпохи. Здесь были сокрыты и на многие десятилетия спрятаны 3724 ленинских документа, которые никогда не были опубликованы, хотя вышло пять собраний сочинений (одно «полное»!) пролетарского вождя. Еще около трех тысяч документов только подписаны Лениным, но также на многие годы были замурованы в идеологическом убежище некогда всесильной партии.

Сразу возникает вопрос: почему Ленин, которого миллионы людей в России (автор этой книги принадлежал к их числу) десятилетиями считали земным Богом, усечен, кастрирован, дозирован? Может быть, потому, что в тысячах неопубликованных документов много таких, которые поразительно быстро лишают облик вождя божественного нимба?

Например, такая записка, собственноручно написанная в ноябре 1920 года Лениным Э.М. Склянскому, заместителю Председателя Реввоенсовета, в которой он дает указания, как «наказать» Латвию и Эстонию за поддержку ими белогвардейских отрядов генерала Балаховича:

«1) Недостаточно послать дипломатический протест.

2) Даже лучше отсрочить его, чтобы попытаться лучше поймать Латвию и Эстляндию.

3) Сугубые меры принять, дабы их поймать с поличным (т. е. собрать больше и более доказательных улик).

4) Принять военные меры, т. е. постараться наказать Латвию и Эстляндию военным образом (например, «на плечах» Балаховича перейти где-либо границу хоть на одну версту и повесить там 100–1000 их чиновников и богачей)»[1].

А может быть, прятали подобные записки потому, что нечем было ответить на них и спустя многие годы? Например, когда большевики взяли большую группу эсеров в заложники, которых «они беспощадно истребят», как писала «Правда», если на вождей Советов будут совершаться покушения. Петр Кропоткин писал в декабре 1920 года из подмосковного Дмитрова Ленину: «...Неужели среди вас не нашлось никого, чтобы напомнить своим товарищам и убедить их, что такие меры представляют возврат к худшим временам Средневековья и религиозных войн и что они недостойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах»[2].

Ленин, прочтя письмо старого, больного бунтаря, начертил: «В архив», письмо Кропоткина. XII.1920». Он знал, что старик был прав, но сила, власть были теперь в руках большевиков, а моральные сентенции для Ленина при таком раскладе уже ничего не значили.

Конечно, наши взгляды на Ленина меняются не только потому, что мы узнали НЕЧТО иное, нежели нам внушали долгие десятилетия. Мы засомневались в безгрешности вождя прежде всего потому, что «дело», которое он начал и которое оплачено десятками миллионов жизней (!), огромной кровью, страданиями и лишениями великого народа, потерпело крупное историческое поражение. Об этом очень горько говорить и писать.

На опыте собственной судьбы человека, прошедшего мучительную эволюцию взглядов от сталиниста, через долгую марксистскую ортодоксию к полному отрицанию большевистской тоталитарности, скажу, что бастионы ленинизма в моем сознании пали последними. По мере ознакомления с закрытыми архивами ЦК КПСС, НКВД-КГБ, другими особыми фондами хранения, как и с документами ряда крупнейших зарубежных исторических коллекций, ленинский силуэт в сознании становился другим: творца и пророка незаметно вытеснял российский якобинец, начавший рыть глубокий могильный ров для эфемерного сияющего храма будущего. В конце концов, я понял, что никто из нас Ленина не знал; он всегда и неизменно предстал перед нами в посмертной маске земного святого. Но им он никогда не был.

Написав двухтомники о Сталине и Троцком, я приступил к заключительной части триптиха «Вожди», преисполненный желания прочесть и переосмыслить трагическую фигуру вождя октябрьского переворота, положившего начало крупнейшим переменам в России и во всем мире. Ленин всегда был многолик, но после смерти его многоликость постепенно была переведена в заданную одномерность канонизированного святого: «великий», «гениальный», «непревзойденный», «неповторимый», «мудрый», «прозорливый», «пророческий»... Чем больше и чаще мы повторяли эти превосходные эпитеты, тем дальше уходили от исторического Ленина.

Но мы не просто повторяли эти эпитеты — ленинская духовная ниша была так же обязательна для каждого советского человека, как Коран у фундаменталистов в мусульманском мире. На 1 января 1990 года произведения Ленина были изданы в нашей стране общим тиражом более 653 миллионов экземпляров на 125 языках! Возможно, это одна из немногих областей большевистского изобилия,

достигнутого на рельсах коммунистического строительства... Некоторым работам особенно «повезло». Так, речь о близком коммунистическом грядущем — «Задачи Союзов молодежи» — издавалась 660 раз тиражом почти 50 миллионов экземпляров на 96 языках!

Так воспитывались миллионы догматиков. Ведь «сочинения Ленина, — писал Бердяев, — Священное Писание, а в Священном Писании все вообще вопросы должны быть предрешены»[3].

Кроме собственно «прямого» ленинского наследия, мы как к букварям привыкли к бесчисленным сборникам типа: «Ленин о Советах депутатов трудящихся», «Ленин о национальных отношениях», «Ленин о партии», «Ленин о советской военной науке», «Ленин о культуре», «Ленин о морали»... Этот перечень я смог бы продолжать на многих страницах. По сути, Ленин с помощью правоторных ленинцев формировал у нас катехизисное, цитатное мышление. Мы еще не представляем, сколь убогими и смешными в своем идолопоклонстве будем выглядеть для людей из XXI века.

Говорить и писать о Ленине — это, прежде всего, выразить свое отношение к ленинизму. До недавнего времени все мы, обычно не осознавая, находились в этом вопросе в полном плену у «величайшего вождя времен и народов». К идеям своей лекции «Об основах ленинизма», прочитанной в 1924 году в Свердловском университете, Сталин добавил через два года такие же эклектичные и примитивные выводы очередного труда «К вопросам ленинизма», составившие в конце концов сборник «Основы ленинизма». В конечном счете, как нам долго внушали, ленинизм сводится к способности революционного слома старого мира и созиданию на его обломках новой лучезарной цивилизации. Как? Какими средствами? С помощью безбрежной диктатуры. Но именно здесь проявляется первородный грех марксизма и его ленинской версии. Хотя сам Маркс, скажем справедливости ради, совсем не увлекался идеей диктатуры. Но уже Ленин идею о диктатуре пролетариата называл главной в марксизме в вопросе о государстве. Фактически, по Ленину, диктатура пролетариата составляет основное содержание социалистической революции.

Именно в этом пункте Ленин закладывал историческую мину собственного отрицания. Его утверждения, что только «борьбой

и войной» решаются «величайшие вопросы человечества», отдавали приоритеты разрушительной тенденции[4].

Но история показала, что очень часто «величайшие вопросы человечества» как раз нельзя решить «борьбой и войной». Однако Ленин, а затем и его последователи вплоть до самого недавнего времени полагали, что во имя будущего эфемерного счастья грядущих поколений допустимо и морально все: экспорт революций, гражданские войны, безбрежное насилие, социальные эксперименты над миллионами людей. Именно здесь нужно искать генезис будущих грехов «партии нового типа», «всепобеждающей идеологии», «самого передового общественного строя». Живучесть и, надо признать, привлекательность многих постулатов ленинизма долгие десятилетия основывались на неизбывном, естественном стремлении людей к более совершенному и справедливому миру. Российские революционеры, и особенно Ленин, верно вскрывали вековые пороки человеческого бытия: эксплуатацию, неравенство, несвободу. Но, получив возможность искоренить их, люди, руководствовавшиеся ленинизмом, в конечном счете утвердили новую, государственную, едва замаскированную эксплуатацию; вместо социального и национального неравенства пришло неравенство сословно-бюрократическое; на смену классовой несвободе пришла несвобода идеологическая, тотальная. Перелицованный на российский манер классический марксизм, именуемый ленинизмом, материализовался в гигантской стране. Он превратился в некое подобие светской «религии». Ленинизм предстал перед историей как пестрая смесь проницательных наблюдений и вульгарных определений, односторонних оценок и жесткого реализма, замешенных на дрожжах диктатуры пролетариата и классовой борьбы.

В конечном счете ленинские обещания огромного исторического опережения обернулись огромным историческим отставанием. Предостережение, сделанное 28 октября 1917 года Плехановым, Засулич и Дейчем в их «Открытом письме к петроградским рабочим», оказалось пророческим. В письме говорилось, что «переворот — величайшее историческое бедствие, он вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко от завоеваний февраля 1917 года»[5]. Впрочем, еще накануне переворота многие

большевистские руководители не верили в его успех и боялись ленинского радикализма, с маниакальным упрямством толкавшего массы на вооруженное выступление против Временного правительства. Ленин, человек с огромной волей (как и многие другие большевистские вожди), смог повернуть штурвал судьбы в сторону силового разрешения проблем мира, земли, свободы.

Суть ленинизма как способа насильственного ниспровержения (путь реформ всегда правоверными ленинцами отвергался с порога) старого социального уклада и создания нового не втискивается только в национальные рамки. С помощью Коминтерна, созданного в марте 1919 года в Москве и ставшего фактически международной секцией РКП, Ленин настойчиво пытался инициировать революционные процессы повсюду, где только это было возможно. С этой целью в страны Востока и Запада ехали эмиссары Коминтерна, а Народный комиссариат финансов по распоряжению возглавляемого Лениным правительства выделял миллионы рублей золотом для «нужд мировой революции»[6]. А в это время в стране сотни тысяч людей гибли от голода, тифа, беженства. Но, по Ленину, революция тотальна. Она не может обходиться без жертв. Огромных жертв. Бесчисленных жертв. Поэтому, как мне представляется, политический портрет Ленина невозможно рассмотреть вне контекста реализации его взглядов как внутри страны, так и за ее пределами.

О Ленине невозможно говорить вне главного детища вождя — его партии. Без нее он просто не был бы тем Лениным, которого мы пытаемся постичь сегодня. Может быть, в ленинизме идея мощной революционной организации является центральной. Во всяком случае, «заслуги» Ленина в ее формировании однозначны и бесспорны. Будучи приверженцем сильной, законспирированной и заговорщицкой организации, Ленин не мог долго терпеть классический социал-демократизм, который противился подобным стремлениям. Главная «заслуга» Ленина заключается не только в том, что он смог создать партию с жесткой организацией, но и в том, что оказался способным быстро вмонтировать ее в государственную систему.

Уже первые заседания ЦК и Совнаркома вскоре после октябрьского переворота не оставляют сомнений в том, что партийный ареопаг под руководством Ленина решает главным образом страте-

гические вопросы (что не мешает ему заниматься и «мелочовкой»), а революционное правительство, даже возглавляемое Лениным, ограничивается в основном тактическими проблемами. Естественно, такой партии вскоре после захвата власти стали сильно мешать не только меньшевики, но и союзники по перевороту — левые эсеры, а затем и Учредительное собрание, печать, интеллигенция, церковь, любые намеки на возникновение и существование какой-либо общественной или политической организации. Партия быстро овладела монополией на власть, монополией на мысль и саму жизнь. Партия стала ленинским орденом, от имени которого страной на протяжении длительного времени правили «вожди» и их «соратники».

К слову, быстрое разрушение и поразительно легкий распад КПСС после августа 1991 года (в ее прежнем виде) объясняются главным образом абсолютной неспособностью ленинских партийных структур выжить в гражданском обществе. Партия, созданная Лениным, — это идеальный костяк для тоталитарной державы. Но она совершенно чужеродна для демократической системы, даже такой незрелой, как наша. Как только общество начало стремительно меняться, партия, как рыба, выброшенная штормом на берег, стала задыхаться. Стало очевидно, что демократия и РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС несовместимы.

Я вспоминаю, что, когда мне, наконец, дали слово на XXVIII съезде КПСС, одной из основных идей, которую я хотел выразить, было утверждение, что, возможно, последним шансом выживания партии является ее возвращение на социал-демократические рельсы, то есть формально к тому положению, как это было в начале века. «Если мы не откажемся от коммунистической утопии, — заявил я, — партию ждет судьба восточноевропейских партий «ленинского типа». Но мне не дали говорить, я не смог закончить своего выступления: начались выкрики, топание ногами, захлопывание аплодисментами. Фактически меня согнали с трибуны. Агрессивное ленинское мышление многих из этих людей почти не способно к эволюции.

Партия, созданная Лениным, не была общественной организацией в собственном смысле этого слова. Как только большевики захватили власть после октябрьского переворота, партия стала главным элементом родившегося государства. Ленин хотел именно

этого. Безграничная монополия и тотальная власть ордена, созданного лидером российской революции, могли рассчитывать (и не без основания), что при крайне низком уровне политической культуры общества, слабости демократических традиций, сохранении царистских взглядов в сознании многих людей партия имеет большие шансы стать средоточием господствующего сословия людей. Об этом открыто не говорили, но было ясно: не только классовый принцип определял жизнь советского общества, но и сословно-партийный. Почти семь десятилетий симбиоз партии и государства, сцементированный раствором бюрократии и догматизма, цепко держал в своих объятиях гигантскую страну. Режим держался на людях, превращенных в люмпенов, огромной армии чиновничества и всепроникающих спецслужбах. Каждый век имеет свое «средневековье». Для нашей страны это «средневековье» оказалось исключительно долгим.

Вы держите в руках книгу, которая является не собственно биографией Ленина, а прежде всего его портретом. И если мои оппоненты во время выступлений часто соглашались с доводами автора по поводу необходимости нового прочтения ленинизма и анализа характера его реализации в социальной практике, то в отношении непосредственно личностных черт большевистского вождя, как правило, бывали непреклонны: это кристальной чистоты человек, совершенство, нравственный гений. Для того чтобы убедиться в исторической несостоятельности ленинизма, нужно внимательно посмотреть вокруг: историческая неудача «дела» лежит на поверхности. Однако что касается личности самого вождя, то стереотипы, созданные многолетней пропагандой, исключительно цепки и живучи; для очень многих он и сегодня главный пророк XX века.

Хотя моя книга строго документирована, в том числе и ленинскими материалами, пролежавшими в плену спецхранов долгие десятилетия, некоторые выводы автора могут показаться читателю спорными и даже шокирующими. Сфера духа, мышления, проявлений сознания часто бывает загадочной, таинственной, иногда даже мистической, но портретист, полагаю, имеет право больше оттенять те или иные грани в соответствии с его видением «натуры» портрета. Советские читатели, имевшие возможность смотреть на вождя через призму книг, подобных «Владимир Ильич Ленин. Био-

графия» (таких книг сотни, тысячи), сочиненной коллективом назначенных авторов под руководством академика П.Н. Поспелова, видели перед собой партийного Христа. На протяжении почти семисот страниц сусальные картины безграничной гениальности, исключительности, одаренности, провидчества, безошибочности, благородства и доброты сменяют одна другую... Ни единого пятнышка, ни единого личного изъяна, даже отдельных намеков на какое-либо несовершенство!

Автор настоящей книги утверждает, что Ленин был крупнейшим революционером XX века, человеком с сильным прагматическим умом, огромной целеустремленностью и волей. В некоторых политических сферах он смог добиться результатов, имевших судьбоносное значение для всей истории нашего столетия: образование российской марксистской партии, формирование международного коммунистического движения, создание первого в мире социалистического государства. Человек, не обладающий сильным умом, практической цепкостью, умением маневрировать и принимать ответственные решения, не смог бы совершить всего того, что произошло в России. Но мы пока оставляем за скобками вектор, оценку — положительную или отрицательную — всех этих свершений. Ведь советский читатель не знал, что священный человек волею созданной им тоталитарной системы был личностью-айсбергом. Знали о Ленине то, что *положено* было знать. Как и о *партии*, которую он создал. Чего же не знали? Об этом будет сказано в книге.

Определяющим качеством вождя была огромная, фанатичная вера в коммунистическую утопию. Во имя ее реализации и достижения на практике Ленин не останавливался ни перед чем: террором, обманом, заложничеством, полным отказом от положений и решений, провозглашенных им и еще вчера казавшихся незыблемыми.

Для всех нас официальная историография нивелировала, сглаживала, камуфлировала исключительную, невероятную по силе ленинскую нетерпимость и непримиримость ко всему, что не гармонировало с его собственными взглядами. В крупных вопросах с ним можно было только соглашаться. Хотя Ленин иногда и говорил о собственных «ошибках», безапелляционность его политических и нравственных суждений поразительна.

История помнит множество диктаторов старого и нового времени. В их облике главный элемент — личная безграничная власть. Ленин также обладал такой властью, но он не был, подобно Сталину, безграничным Диктатором. Правда, Виктор Чернов считал иначе. Он верно рассуждал, что большевики создали иерархическую систему диктатур, основой которых является их партия. С этим трудно не согласиться. Но лидер эсеров шел дальше, утверждая, что на вершине этой иерархии находится «личный диктатор. Им и стал Ленин»[7]. В общеполитическом смысле это, возможно, верно, но в личностном — едва ли.

Его партия диктаторство как политический феномен считала фактом положительным, если оно способствовало реализации марксистских догм, делу революции. На заседании Политбюро и Оргбюро ЦК 10 июля 1919 года, на котором присутствовал и Ленин, было подтверждено положение о том, что «Рыков назначен диктатором по военному снабжению...»[8]. Власть для Ленина — это прежде всего диктатура, диктаторство, диктаторы. Но сам вождь, повторимся, не был диктатором в распространенном понимании слова. Его интеллект был неизмеримо, допустим, выше интеллекта Сталина, и свою огромную власть Ленин осуществлял посредством гибкого механизма идеологических и организационных структур, которые создавала партия. Ленин предпочитал оставаться как бы в тени диктаторства. Но в его руках была диктатура партии.

Ленин, как и все большевистские руководители после него (было у кого учиться!), страшно любил тайны и секреты. Это объясняется не только школой дореволюционной конспирации, но и самой недемократичностью коммунистической власти, предписывающей «вождям», их «соратникам», «органам» руководствоваться классовым принципом в повседневной деятельности. Фундаментальное же положение этого принципа — постоянное наличие сил и врагов, «выступающих», «противостоящих», «шпионствующих» и т. д. В личных бумагах Ленина множество таких, которые определяются им как «архисекретные» и «архиконспиративные». В этом личном качестве вождя один из истоков закрытости и тоталитарности создаваемого им советского общества.

Люди очень мало знают о личной жизни Ленина. Это вытекает не только из марксистского постулата первенства общественного перед личным, но и из желания революционных жрецов отделить личную жизнь «вождей» от массы. Если о простом функционере партии полагалось знать все, то личная жизнь, например, члена «ленинского политбюро», его родственников уже являлась огромной государственной тайной. Денежное содержание членов Политбюро, количество прислуги и выделенных для обслуживания автомашин, как и размеры особняков и дач, — все эти данные приравнивались к государственной тайне и хранились в специальных пакетах — «особых папках». Высшие партийные руководители были «неприкасаемыми».

Не полагалось, конечно, знать и о сомнительных делах большевистских руководителей. Вот почему никогда советскому человеку не говорилось, например, на какие деньги Ленин жил с семьей долгие годы за границей; кто финансировал партию до революции; почему он фактически никогда не работал (в обычном понимании этого слова); как стал возможен проезд Ленина в разгар войны через Германию, и многие, многие другие «тайны»...

Например, уже после Брестского мира существовала очень скрытая сфера связи правительства Ленина с Германией, благодаря которой обе стороны пытались достичь своих целей. Например, в феврале 1921 года Ленин получает из советского представительства в Берлине шифровку, в которой ему сообщают о результатах переговоров с немцами, в ходе которых было достигнуто соглашение о «восстановлении немецкой военной промышленности», хотя по Версальскому договору Германия не имела права этого делать. Но фирма «Блюм и Фосс» была готова строить подводные лодки, «Албатросверке» — самолеты, а заводы «Крупп» — производить артиллерийское оружие. Ленин откликнулся резолюцией: «...я думаю, да. Верните это. Ленин». Видимо, подумав, после подписи вождь поставил любимое слово: «Секретно»[9].

Все подобные договоренности, естественно, никогда не обнародовались. Эту традицию тайных дел с Германией унаследовал и Сталин.